

Васильева Наталья Юрьевна

Московский государственный институт международных отношений

Университет) МИД России

Доцент кафедры международных отношений и внешней политики России,

кандидат исторических наук

Деятельность украинской политической эмиграции в контексте формирования Русского Зарубежья в 1920-е гг.

Прямым результатом трагических событий рубежа 1910-х – 1920-х гг. в России стало возникновение такого уникального явления отечественной и мировой истории XX в., как Русское Зарубежье (Зарубежная Россия). По национальному составу указанное эмигрантское сообщество, охватывавшее по оценкам самих его представителей от 2 до 3,5 млн чел. и разбросанное по разным странам Старого и Нового Света, напоминало собой уменьшенную копию всей «великой России». Поэтому многие эмигранты первой пореволюционной волны, не относившиеся к «великороссам» (русским людям) с этнической точки зрения, исходя из своей культурно-языковой принадлежности и с учетом их изначального подданства, вполне осознанно причисляли себя именно к Русскому Зарубежью. А ведущие акторы тогдашней международной политики, включая Лигу Наций, рассматривали последнее как совокупность всех выходцев с территории бывшей Российской империи, которым пришлось покинуть родину после прихода к власти большевиков.

Впрочем, далеко не все представители пореволюционной эмиграции были готовы согласиться с подобным определением их собственной идентичности. В частности, еще на завершающем этапе гражданской войны в России в различных уголках Европы стали формироваться отдельные политические и культурно-просветительские организации, члены которых являлись сторонниками создания независимого украинского государства и потому

отказывались считать себя частью единой с «великороссами» беженской диаспоры. В 1920-е гг. эти организации выступали в поддержку деятельности т.н. правительства Украинской Народной Республики (УНР) в эмиграции, а их наиболее видные участники за спиной у лидеров Русского Зарубежья неоднократно пытались установить прямые контакты с руководством Лиги Наций, в составе которой существовал особый орган по делам беженцев во главе с Ф. Нансеном. Более того, по мнению представителей Зарубежной России, несмотря на общее с ними неприятие советского режима, приверженцы идеи независимой Украины своей «упорной сепаратистской пропагандой» намеренно стремились расколоть понятие русского беженства и навязать международному сообществу мысль о существовании «специального украинского беженства».

Вместе с тем попытки привнесения националистически настроенной частью украинской эмиграции политической составляющей в гуманитарную деятельность Лиги Наций на беженском направлении вызывали серьезное беспокойство у Ф. Нансена и других высокопоставленных чиновников этой организации, затрудняя их общую работу по урегулированию юридического статуса всех бывших российских подданных на чужбине.

Natalia Yu. Vasilieva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of MFA of Russian Federation

Associate Professor of the Department of International Relations and of Russia's foreign policy, PhD (History)

E-mail: Natalia_Vasilieva@rambler.ru

The activity of Ukrainian political emigration in the context of the organization of the Russian emigration community in the 1920s

The direct result of tragic events that took place at the turn of the 1910s and 1920s in Russia was an emergence of such a unique phenomenon of national and

world history of the XX century as Russian Exile Community. The mentioned emigrant community included 2 to 3.5 million people, according to estimates of its representatives. It was dispersed in different countries of the Old and New World. By ethnic composition, it resembled a scaled-down copy of the «Great Russia». Therefore, a lot of emigrants of the first post-revolution wave, that were not considered «Great Russians» (or simply Russians) from the ethnic point of view, quite consciously assigned themselves to the Russian emigration community. And the leading actors of international politics of that time, including the League of Nations, referred to all emigrants from the territory of the former Russian Empire as to the Russians.

However, some representatives of the post-revolution emigration were not ready to agree with such a definition of their own ethnic identity. In particular, at the final stage of the civil war in Russia in different parts of Europe separate political, cultural and educational organizations started to form. Their members wanted to establish an independent Ukrainian state and therefore they refused to be part of the «Great Russian» diaspora. In the 1920s these organizations supported the activity of the so-called Government of Ukrainian People's Republic (UPR) in exile. While their most prominent participants attempted to establish direct contacts with the chief executives of the League of Nations, that included the authority attending the refugee affairs headed by F. Nansen. Moreover, according to representatives of the Russian emigration community, despite their common refusal to accept the Soviet regime, the adherents of independent Ukraine by their «persistent separatist propaganda» were deliberately seeking to divide the Russian refugees and to impose on the international community an idea of the existence of «separate Ukrainian refugees».

At the same time attempts of the nationalist part of Ukrainian emigrants to introduce a political component in humanitarian activity of the League of Nations for refugee affairs caused serious concerns of F. Nansen and other high-ranking officials of this organization making their common work for regulation of a legal status of all former Russian citizens in foreign countries more difficult.